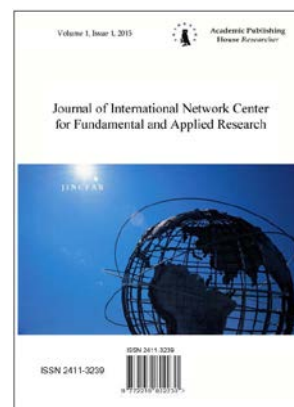

Copyright © 2015 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
Journal of International Network Center
for Fundamental and Applied Research
Has been issued since 2014.
ISSN 2411-3239
E-ISSN 2413-7588
Vol. 6, Is. 4, pp. 182-188, 2015

DOI: 10.13187/jincfar.2015.6.182
www.ejournal36.com

Articles and Statements

UDC 94(470.51):343

Economic Criminality in the Period of the NEP: the Regional Aspect

Lyudmila N. Bekhtereva

Federal official body of science Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation
4, University str., Izhevsk, 426004
Doctor of Historical Sciences
E-mail: behterevalN@yandex.ru

Abstract

The article describes the main types of economic (economic) crimes committed in the 1920s by the government officials, private entrepreneurs, employees, trade, consumer and producer cooperatives. Development trends of economic crime, its quantitative and qualitative characteristics are marked in this article.

Keywords: Udmurtia, the New Economic Policy, economic crimes, crimes or official malfeasances, corruption, embezzlement, forgery.

Введение

Переход к нэпу и рыночным отношениям в начале 1920-х гг., новые социально-экономические условия вызвали по всей стране рост преступлений в сфере экономики и хозяйствования. Усиливалась криминализация системы государственного управления. С января по октябрь 1924 г. правоохранительными органами Удмуртии (с ноября 1920 г. по январь 1932 г. – Вотская автономная область, ВАО) было зафиксировано 5068 хозяйственных преступлений и 539 – должностных, к числу которых относились взяточничество, присвоение денег и ценностей, злоупотребление властью, превышение и бездействие власти, а также 334 факта мошенничества, подлога, присвоения и растрат [1, с. 387].

Материалы и методы

Материалами для подготовки статьи стали документы Центрального государственного архива Удмуртской Республики, Российского государственного архива экономики, а также материалы региональной периодической печати 1920-х гг.

Методологическую основу исследования составили принципы объективности и историзма, предполагающие непредвзятый подход к анализу изучаемых проблем, критическое отношение к источникам, вынесение суждений в результате анализа совокупности фактов.

Результаты

Финансовые махинации, хищения денежных и материальных средств с использованием своего служебного положения имели место в Ижевске, других городах, уездных и волостных центрах области со стороны руководителей и ответственных работников, чиновников различных управлений, инспекций, отделов и т.д. Так, в марте 1923 г. 25-летним агентом финансово-хозяйственной части обсовнархоза А.Д. Запольских, осужденным в 1921 г. к двум годам заключения за пьянство и растрату вещественных доказательств и только вышедшим на свободу, был получен аванс в размере 3 000 руб. для получения поступившего на железнодорожный вокзал груза. После произведенного расчета оставшуюся сумму – 876 руб. 40 коп. он присвоил и пропил. 14 июля 1923 г. областной суд ВАО рассматривал дело по обвинению кассира областного финансового отдела В.Ф. Журавлева в хищении 4000 руб. и служебном подлоге. Суд решил заключить его под стражу сроком на один год и два месяца [2]. В марте 1926 г. народным судом 1-го участка Глазовского уезда слушалось дело экспедитора Глазовского агентства «Кожсиндиката» Н.Ф. Соболева, завладевшего 2 053 руб. 87 коп. Суд лишил его свободы сроком на три года и права в течение пяти лет нести службу в государственных, кооперативных и хозяйственных учреждениях. Кассационная жалоба осужденного разбиралась областным судом 11 мая 1926 г. Приговор остался в силе. В апреле 1926 г. за присвоение 296 руб. 58 коп., принадлежавших Сарапульскому кожтресту, был приговорен к аресту бывший завхоз Ижевского уездного исполкома Девятков [3]. В целом в 1926 г. по фактам растрат правоохранительными органами ВАО было возбуждено 877 дел, общая сумма ущерба от этой преступной деятельности государственных служащих составила 332 675 руб. 34 коп. [4].

Невиданные масштабы в этот период приобрела коррумпированность чиновников, пользовавшихся различными привилегиями и льготами (административно-управленческие расходы в 1922–1923 гг. составляли по удельному весу 50 % местного и 55,7 % государственного бюджета [5, с. 86, 91]). Так, в ноябре 1923 г. получил взятку от торговли А.В. Виноградовой за предоставление ей места на рынке и уклонение от платы за него агент обкоммунотдела И.С. Назаров [6]. А в 1924 г. общественный резонанс получило дело Шарканского волостного финансового агента И.Ф. Поскребышева, который длительное время злоупотребляя своим положением, незаконно пользовался кредитом потребительского общества, брал взятки, вел развратный образ жизни. В целом по стране в 1927 г. органами ОГПУ были возбуждены уголовные дела за преступления, подпадающие под признаки коррупционных (взяточничество, экономические контрреволюция и шпионаж, должностные преступления, присвоение, растраты, подлог, бесхозяйственность) в отношении 11 651 человека [7, с. 185].

Новая экономическая политика создала благоприятные условия для развития всех видов и форм предпринимательской деятельности. В декабре 1921 г. государство передало в аренду частникам 12 507 предприятий, на 1 января 1923 г. – уже 4 330, что составляло 15–16 % от всей национализированной промышленности. Наблюдался рост частных торговых заведений. Их число возросло с 462,5 тыс. в 1924 г. до 675,2 тыс. в 1926 г. [8, с. 130–131]. В ВАО за 1924/1925 хозяйственный год было выдано 2 549 частных торговых патентов [9, с. 344–345].

Однако многие предприниматели, остро чувствуя временность и непрочность своего положения, стремились к получению прибыли любой ценой, совершая противозаконные сделки, хищения, нарушая принцип подачи налоговых деклараций, производя подкуп должностных лиц, поставляя на рынок недоброкачественные товары, не производя отчислений в фонд социального страхования и т.д. В ноябре 1926 г. народным судом Ижевска рассматривалось дело по обвинению частного предпринимателя, владельца столярной мастерской А.П. Мартынова. На его предприятии в течение длительного времени не выплачивалась заработная плата, задолженность превысила сумму 500 руб. Мартынов

неоднократно брал в кредит лесоматериалы, принимал заказы на изготовление мебели, получая задатки. Не выполнив своих обязательств, оформив в Госбанке кредит на 1000 руб., нерадивый бизнесмен вместе с женой скрылся [10].

Получая от промышленных предприятий кредиты и товары, частные посредники продавали их по более высокой цене, получая при этом в короткий срок весьма высокую прибыль. Кроме этого, они практиковали в своей деятельности массовую скупку товаров повседневного спроса, когда нуждающиеся в оборотных средствах промышленные предприятия выбрасывали на рынок большую массу товаров по минимальной цене. В последующем, реализуя эти товары в момент повышения цен, чему способствовал и искусственно созданный их недостаток, посредники наживали огромные средства. В конечном счете это вело к быстрой перекачке оборотного капитала из промышленности в руки частных посредников и торговцев. Случаи, когда продукция фабрик и заводов посредством взяток и злоупотреблений попадала в руки спекулянтов, стали массовым явлением, особенно в первый период нэпа, когда частная торговля контролировала около 80 % всего посреднического товарооборота. В первой половине 1923 г. комиссией при ВСНХ было проверено более 3 500 договоров государственных предприятий с частными лицами и фирмами и выявлено среди них немало не выгодных, по ее мнению, для государства и заключенных предположительно за взятки [7, с. 520].

Отдельные частные торговцы пытались уклониться от выборки патентов на право торговли и от выплаты налоговых платежей. Так, в январе 1925 г. товариществами «Ландрин» и «Аминов и К» Ижевска были предоставлены в налоговые органы ложные сведения об оборотах и скрыты от обложения доходы в размере соответственно 38 500 и 36 000 руб. [11]. Открытое в октябре 1924 г. полное товарищество «Ландрин», подвергнутое значительным штрафным санкциям, в марте 1925 г. прекратило свое существование. В ноябре 1927 г. были привлечены к ответственности за беспатентную заготовку пушнины и щетины в Ижевском уезде частные торговцы А. Леконцев, И. Зайцев, Н. Иванов, в феврале и марте 1928 г. за торговлю мясом без патента – М.В. Сабуров, Ф.М. Емшанов, А.Н. Аникин (Глазовский уезд) и др. Право возбуждать дела за невыполнение правил торговли предоставлялось торговым отделам и инспекциям. Контроль за их прохождением осуществлялся помощниками прокурора ВАО непосредственно. В целом за 1927/1928 хозяйственный год Глазовским уездным отделом облторга было возбуждено 52 дела за перепродажу, беспатентную торговлю и другие нарушения [12]. Характеризуя частную торговлю после перехода к нэпу, Н. Рязунов впоследствии писал: «Они имели целый ряд вариаций, начиная от подкупа работников государственного аппарата, от лжегосударственных, лжекооперативных форм работы, скупки неликвидированных фондов, хищнической аренды государственных предприятий и кончая нелегальными операциями на вольном рынке, уклонением от налогов и контрабандой» [13, с. 5].

Факты хищений, воровства и растрат имели место и в системе потребительской кооперации, в промысловых артелях, товариществах и других организациях. В ноябре-декабре 1923 г. член правления Ижевского ЕРПО Ходырев будучи в служебной командировке для закупки мяса в Новониколаевске произвел растрату крупной суммы денежных средств (33 409 руб. 14 коп.) и был подвергнут аресту. Из милиции Новониколаевска поступила телефонограмма: «Ваш представитель Ходырев арестован, пьянство грозило растратой денег» [14]. В феврале 1923 г. за злоупотребления был заключен под стражу казначей этого потребобщества Соколов, в июле 1925 г. – за присвоение 758 руб. 44 коп. технический секретарь ЦРК А. Капусткин, в марте 1926 г. – за хищение 1 000 руб. заведующий одного из магазинов ЦРК Тронин [15]. Ревизия трех лавок Ильинского ЕПО Б.-Кибьинской волости Можгинского уезда, произведенная в октябре 1925 г., обнаружила недостачу 1 080 руб. Тогда же была выявлена растрата 1 113 руб. 30 коп. в Варзятчинском ЕПО Алнашской волости [16]. Растраты в магазинах Ижевского ЦРК за 1924/1925 хозяйственный год достигли 8 180 руб. [17]. В целом в 1924/1925 хозяйственном году в 50 из 114 организаций потребительской кооперации ВАО были отмечены 90 случаев растрат и хищений, 78 дел было передано в суд. Общая сумма растрат составила 35 691 руб. В числе нарушителей были: председатели правлений (4), правления в целом (6), их члены (24), заведующие складами и магазинами (76), служащие (4) [18].

С целью получения скорейшей и максимальной прибыли представители организаций потребкооперации занимались и другими противозаконными действиями: осуществляли перепродажу товаров и повышали торговые наценки. Так, при обследовании Вавожского потребительского общества в декабре 1924 г. выяснилось, что на писчую бумагу № 7 цена была увеличена на 90 %, на бумагу курительную – 82 %, на рыбу – 33 %, на хозяйственное мыло – 31 %, на табак – 22 %, на гвозди – 45 %. В августе 1926 г. накладные расходы в Юсовском потребительском обществе составляли на пшеничную муку – от 20 до 30 %, крупу – до 50 %, мыло – от 30 до 125 %, платки и шали – от 30 до 40 %, чайную посуду – от 40 до 60 % [19]. В марте 1928 г. в Малободьинском кооперативе при Яганском лесозаводе наложения на товары в среднем достигали 25 % [20]. В 1924 г. на хлебобулочную продукцию собственного производства Ижевский ЦРК «добавлял» от 26,92 % до 38,73 % [21]. Нарушая правила торговли, многие кооператоры предлагали покупателям продукты питания с истекшим сроком годности, в нагрузку к другим товарам. Имели место случаи кредитования в кооперативах не членопайщиков. Например, за 1925/1926 хозяйственный год в Глазовском горпотребобществе было выделено товаров членам-пайщикам на 115 000 руб., не членам – на 637 000 руб. В марте 1928 г. помощник заведующего магазином Ижевского ЦРК № 7 П.А. Штин предоставил 8 мешков пшеничной муки своим родственникам – частным торговцам, собственникам хлебопекарни, используя тем самым свое служебное положение и нарушив распоряжения облторготдела и правления кооператива, предусматривавшие ее отпуск в условиях дефицита только членам-пайщикам и в ограниченном количестве [22, с. 74]. Часто из оборота кооперации изымались средства и тратились на строительство различных зданий, приобретение дорогих вещей в собственность и т.д. Данные факты также привлекали внимание контролирующих и правоохранительных органов.

При обследовании кооперативных заведений представители санитарного надзора нередко выражали претензии и относительно нарушений правил производства. В магазинах продавался хлеб низкого качества, изготовленный в непригодных помещениях. Мука в пекарнях просеивалась плохо, отсутствовали сита установленных образцов, в результате чего в хлеб попадали различные предметы. Кроме того, хлебобулочные изделия перевозились в плетеных коробах, покрытых грязными пологам. Многие пекарни, например, кооператива «Личный труд», не имели регистрации и соответствующего разрешения на этот вид деятельности. Нарушение санитарных норм, применение сверхурочных работ, отсутствие трудовой дисциплины сотрудников фиксировались также на многих колбасных и пекарнях кооперативов «Работник», «Посредник», «Победа», ЦРК и др.

Не обходилось и без махинаций, халатности и недоброкачественного исполнения работ. Так, на весь г. Ижевск прогремело дело о кустарно-промысловой артели «Луч», организованной в середине 1920-х гг. Из 18 членов артели трое были пекарями, пятеро – сапожными мастерами, двое – портными, трое – приказчиками. Особенной активностью отличалась деятельность приказчиков, которые скупали сырье для сапожного производства у частных мастеров, для сбыта готовой продукции открыли ларек. Чтобы получить ссуду на оборудование кожевенной мастерской, артель записалась членом сельскохозяйственного кредита, но фактически на все выделенные деньги закупила некачественное кожевенное сырье в Кунгуре. Пошитая из него обувь продавалась на Ижевском рынке на 10–15 % дороже розничных цен на обувь других кооперативных организаций и не находила себе покупателя. У артели было и «второе дно»: 15 ее работников являлись членами секты евангелистов и занимались пропагандой своего учения. Артель вскоре прекратила свое существование. По причине значительных растрат – 5 216 руб. в октябре 1926 г. была расформирована и основанная в январе 1925 г. промысловая артель «Труд» [23]. В целом в 1924/1925 хозяйственном году в 39 промысловых союзах страны было зафиксировано 473 факта хищений и растрат; 221 дело было передано в судебные органы. Общая сумма растрат составила 216 297 руб. [24].

Деятельность образованного в 1922 г. в результате структурной реорганизации обкустсельсоюза долгое время носила беспланный, бессистемный характер, что приводило к убыточности операций, уменьшению торговой деятельности, чрезмерному кредитованию без учета платежеспособности артелей. В октябре 1924 г. был заключен договор с сырьевым отделом сельскосоюза на заготовку кожсырья и пушнины на сумму 75 000 руб., который

впоследствии по неизвестным причинам был аннулирован. Оказался выполненным только на 30 % и договор с трестом «Северсмола» на поставку 8 000 пудов смолы, 3 000 пудов скипидара и 2 000 пудов товарного дегтя на сумму 21 700 руб. [25]. Во взаимоотношениях обкустсельсоюза с артелями зачастую возникали недоверие и подозрительность. Финансовая неразбериха приводила к ухудшению положения кооперативов. В административно-хозяйственной деятельности кустарно-промысловой кооперации, помимо хищений и растрат, имели место громоздкость аппарата, медленная оборачиваемость средств, затоваривание и т. д.

Заключение

Таким образом, либерализация хозяйственной жизни в условиях нэпа привела к росту экономической преступности, которая активно проникала в сферы государственного управления, торговли, кооперации. Наблюдались данные процессы и в частном секторе экономики. В 1920-е гг. выявлением и раскрытием хищений, растрат, хозяйственных и должностных преступлений занимались специальные отделы ГПУ и аппараты уголовного розыска.

Благодарности

Работа выполнена при поддержке Программы фундаментальных исследований Президиума РАН и УрО РАН, проект № 15-13-6-6.

Примечания

1. Обзор деятельности областного исполнительного комитета Вотской автономной области. 1923–24 хозяйственный год. Ижевск, 1925.
2. Центральный государственный архив Удмуртской Республики (далее – ЦГА УР). Ф. Р–357. Оп. 1. Д. 3. Л. 173 об., 302.
3. ЦГА УР. Ф. Р–234. Оп. 3. Д. 20. Л. 76; Ф. Р–137. Оп. 3. Д. 4. Л. 8.
4. ЦГА УР. Ф. Р–357. Оп. 1. Д. 100. Л. 49 об.
5. 10 лет Удмуртской автономной области. Хозяйственное и культурно-социальное строительство. 1921–1931. Ижевск, 1931.
6. ЦГА УР. Ф. Р–357. Оп. 1. Д. 16. Л. 24, 25.
7. Епихин А.Ю., Мозохин О.Б. ВЧК–ОГПУ в борьбе с коррупцией в годы новой экономической политики (1921–1928). М., 2007.
8. Социальная мобильность в частном секторе народного хозяйства 1920-х гг.: нэпманы под налоговым прессом // «Бублики для республики»: исторический профиль нэпманов. Уфа, 2005.
9. Статистический сборник за 1924–1926 гг. Ижевск, 1927.
10. ЦГА УР. Ф. Р–137. Оп. 1. Д. 83. Л. 50.
11. Ижевская правда. 1925. 4 февраля.
12. ЦГА УР. Ф. Р–121. Оп. 1. Д. 464. Л. 259.
13. Рязузов В. Вытеснение частного посредника из товарооборота. М., 1930.
14. ЦГА УР. Ф. Р–121. Оп. 1. Д. 464. Л. 205.
15. Ижевская правда. 1926. 13 февраля, 16 марта.
16. Ижевская правда. 1925. 21 октября.
17. ЦГА УР. Ф. Р–121. Оп. 1. Д. 90. Л. 99 об.
18. Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 3986. Оп. 1. Д. 154. Л. 142.
19. ЦГА УР. Ф. Р–121. Оп. 1. Д. 104. Л. 92.
20. Ижевская правда. 1928. 23 марта.
21. ЦГА УР. Ф. Р–121. Оп. 1. Д. 90. Л. 99.
22. Бехтерева Л.Н. Потребительская кооперация Удмуртии в период нэпа (1921–1929 гг.) // Отечественная история. 2008. № 3.
23. Ижевская правда. 1926. 15 октября.
24. РГАЭ. Ф. 3986. Оп. 1. Д. 154. Л. 89.

25. Центр документации новейшей истории Удмуртской Республики (ЦДНИ УР). Ф. 16. Оп. 1. Д. 642. Л. 93.

References:

1. Obzor deyatel'nosti oblastnogo ispolnitel'nogo komiteta Votskoi avtonomnoi oblasti. 1923–24 khozyaistvennyi god. Izhevsk, 1925.
2. Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Udmurtskoi Respubliki (dalee – TsGA UR). F. R–357. Op. 1. D. 3. L. 173 ob., 302.
3. TsGA UR. F. R–234. Op. 3. D. 20. L. 76; F. R–137. Op. 3. D. 4. L. 8.
4. TsGA UR. F. R–357. Op. 1. D. 100. L. 49 ob.
5. 10 let Udmurtskoi avtonomnoi oblasti. Khozyaistvennoe i kul'turno-sotsial'noe stroitel'stvo. 1921–1931. Izhevsk, 1931.
6. TsGA UR. F. R–357. Op. 1. D. 16. L. 24, 25.
7. Epikhin A.Yu., Mozokhin O.B. VChK–OGPU v bor'be s korruptsiei v gody novoi ekonomicheskoi politiki (1921–1928). M., 2007.
8. Sotsial'naya mobil'nost' v chastnom sektore narodnogo khozyaistva 1920-kh gg.: nepmany pod nalogovym pressom // «Bubliki dlya respublik»: istoricheskii profil' nepmanov. Ufa, 2005.
9. Statisticheskii sbornik za 1924–1926 gg. Izhevsk, 1927.
10. TsGA UR. F. R–137. Op. 1. D. 83. L. 50.
11. Izhevskaya pravda. 1925. 4 fevralya.
12. TsGA UR. F. R–121. Op. 1. D. 464. L. 259.
13. Ryauzov V. Vytesnenie chastnogo posrednika iz tovarooborota. M., 1930.
14. TsGA UR. F. R–121. Op. 1. D. 464. L. 205.
15. Izhevskaya pravda. 1926. 13 fevralya, 16 marta.
16. Izhevskaya pravda. 1925. 21 oktyabrya.
17. TsGA UR. F. R–121. Op. 1. D. 90. L. 99 ob.
18. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv ekonomiki (dalee – RGAE). F. 3986. Op. 1. D. 154. L. 142.
19. TsGA UR. F. R–121. Op. 1. D. 104. L. 92.
20. Izhevskaya pravda. 1928. 23 marta.
21. TsGA UR. F. R–121. Op. 1. D. 90. L. 99.
22. Bekhtereva L.N. Potrebitel'skaya kooperatsiya Udmurtii v period nepa (1921–1929 gg.) // Otechestvennaya istoriya. 2008. № 3.
23. Izhevskaya pravda. 1926. 15 oktyabrya.
24. RGAE. F. 3986. Op. 1. D. 154. L. 89.
25. Tsentri dokumentatsii noveishei istorii Udmurtskoi Respubliki (TsDNI UR). F. 16. Op. 1. D. 642. L. 93.

УДК 94(470.51):343

Экономическая преступность в период НЭПа: региональный аспект

Людмила Николаевна Бехтерева

Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, Российская Федерация
426004. г. Ижевск, ул. Ломоносова, 4
доктор исторических наук
E-mail: behterevaln@yandex.ru

Аннотация. В статье раскрываются основные виды экономических (хозяйственных) преступлений, совершавшихся в 1920-е гг. представителями государственной власти, частными предпринимателями, работниками торговли, потребительской и промысловой кооперации. Обозначены тенденции развития экономической преступности, ее количественные и качественные характеристики.

Ключевые слова: Удмуртия, новая экономическая политика, хозяйственные преступления, должностные преступления, коррупция, хищение, подлог.